

Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2011. № 3 (92). С. 92-99.

Сайт издания: <http://proceedings.usu.ru/>

В.В. Шевцов

Образ Сибири на страницах официальной и частной дореволюционной печати

Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. Проект 2010-1.5.-506-009-015 «Региональная идентичность как фактор и условие сохранения и поддержания социальной стабильности в сибирском социуме: исторические и современные аспекты».

Периодическая печать в Сибири возникла довольно поздно и была связана с распространением правительственного проекта 1837 г. по изданию «Губернских ведомостей» на зауральских территориях. Несмотря на ограничения установленные программой издания, в неофициальных частях начавших выходить с 1857 г. Тобольских, Иркутских, Енисейских и Томских ведомостях можно проследить процесс самоидентификация сибирской провинции в культурном, этническом, экономическом и иных смыслах.

Рассмотрим тему конструирования «особости», самобытности Сибири и ее населения на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей», когда в 1864–65 гг. в ее редакции начинали свою работу идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Оно происходило через раскрытие/обсуждение следующих сюжетов:

Первый из них – это отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая в это понятие и американский путь развития («Забитое общество, угнетенный народ», «Составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым колониям и бразильским обществом капиталистов?», «... мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы», «Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития», «Жизнь нашей страны, вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, который вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир», «Правительство начало смотреть на Сибирь, как на страну, из которой оно будет извлекать богатый доход в казну», «Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решились бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету...»).

Второй – это негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири и описание будущих перспектив ее развития («Vive la mort и да водрузится будущее!», «История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни», «Наша страна... лежит в

запустении как мертвый труп», «Наши сокровища покуда для нас мертвый капитал», «В будущем наши надежды, в будущем осуществление заветных идеалов наших», «Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания...», «... сибирское образованное, молодое поколение создаст лучшую жизнь Сибири», «Край малонаселенный, притесненный и бедный, каким его застал Сперанский», «Умственный уровень Сибири на низшей степени...», «Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса северного полушария»).

Любопытно, что в презентации самосознания регионов Европейской России преобладали позитивные высказывания об историческом прошлом, его героизация, описание деятельности великих исторических личностей в связи с местной историей, определение значимости региона в связи с его участием в жизни Российской империи [3, 114-128; 4, 19; 9, 20].

Третий важный сюжет газетных публикаций, на основе которого проходило конструирование сибирской идентичности – это особые черты в характере сибиряков и в ранней сибирской истории («завоеватели», «открыватели новых стран», «отважные промышленники», «дух авантюризма», «стремление к улучшению своего быта и создание жизни на новых началах», «беглые и недовольные, искавшие приюта и независимости в наших тайгах и урманах», «Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история», «Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, в последствии от невыносимых немецких реформ Петра», «... в Сибирь пришла самая энергическая и предприимчивая часть русских людей...», «свободная казацкая община и русские промышленные авантюрист», «Покажите мне другой народ в истории мира, который бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем?»).

И, наконец, завершающим аккордом в процессе конструирования региональной идентичности местной печатью может считаться объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы» («особенный тип, тип сибиряка», «сибирская цивилизация», «страна», «наше дальнейшее развитие», «наш прогресс», «наши ремесленные произведения», «наши мастерские», «наше население», «наши меха», «наше золото», «мы сибиряки, жители ссыльнокаторжной колонии», «наш молодой край», «коллективный ум всей Сибири», «Мы участники жестокой войны, которую мы ведем с сухим климатом Сибири...», «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины!»).

Исходя из приведенных фрагментов, можно сделать вывод, что в целом областничество на страницах «Томских губернских ведомостей» представляло собой разработку вполне

легальной и хорошо известной темы прогресса. Применительно к месту рождения участников «петербургского кружка» эта тема, всегда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале. Прогрессивное развитие описывалось во взаимосвязанных категориях «отсутствие» – «возможность» – «пробуждение» как прошлое – настоящее – будущее Сибири. Основная «указующая» и руководящая роль в движении «народа Сибири» по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей [10, 7]. Своеобразной идеей-символом, служению которой областники полагали приблизить светлое будущее Сибири, была идея сибирского университета.

Хотя Потанин признавался, что «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом» [5, 178], областнические идеи в том ярко выраженном политическом смысле, в каком они развивались в частной переписке и заявлялись на следствии в газете представлены не были. Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н.С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа Потанин делал упор на то, чтобы основным в нем направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же» [6, 59]. На допросе Потанин показывал, что «Сибирь должна отделиться от России... Такова, по моему мнению, судьба всех земледельческих колоний ... по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний». Ядринцев, видимо испуганный масштабами следствия по отношению к масштабу содеянного, раскаивался в увлечении идеей сепаратизма и отвечал, что «на дело создания Республики» он смотрел как «на дело еще далекого будущего» [5, 185-187]. Не был развернут на страницах губернских ведомостей и один из самых острых вопросов областнической программы – инородческий (за исключением некоторых мелких публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения»).

Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральному и местному правительству. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности. Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа и в выборе такого ориентира для русского

интеллигента также не было ничего нового. Тем более, что прогрессом сибиряки были обделены дважды – и по отношению к западным станам и по отношению к «внутренней» России. Но в отличие от своих коллег-модернистов из европейской части страны областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономического положения, положения коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на Северо-Американский путь развития, что и составило основу обвинения по делу о «сибирском сепаратизме».

С середины 70-х гг. XIX в. официальные губернские ведомости утратили свой монопольный характер – частная пресса, первые органы которой в Восточной Сибири были недолговечны, стала активно развиваться, приобретая общесибирское и даже общероссийское звучание, сосредотачивая в себе лучшие литературные и журналистские силы края. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь», перешедшая в 1875 г. под редакцию В.И. Вагина и М.В. Загоскина (выходила до 1887 г.). В 1881 г. П.И. Макушиным и А.В. Адриановым в сотрудничестве с ссыльными народниками была организована «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н.М. Ядринцев основал в Петербурге первую бесцензурную газету «Восточное обозрение» (в 1888 г. перенесена в Иркутск), которая стала наиболее авторитетным изданием, представлявшим интересы сибирской провинции.

Не вдаваясь в вопрос об идейно-политической окраске этих изданий, в которых тесно переплетались либеральные, социалистические и областнические взгляды, подчеркнем только их общий оппозиционный, «обличительный» характер по отношению к существующим социальным порядкам и местной администрации. Частная пресса в Сибири, как и в России, приобретала характер параллельного официальной власти центра общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами, и потому оказывала непосредственное влияние на самоидентификационные процессы в регионе.

В связи с подготовкой и празднованием 300-летнего юбилея присоединения Сибири к России (1882 г.), процесс формирования образа Сибири на страницах дореволюционной периодической печати, вновь актуализировался. Первое направление, исходящее от правительственных и консервативных кругов, транслировалось через официальные и проправительственные газеты, второе было представлено либеральной столичной и местной областнической журналистикой. В рамках правительственного консервативного дискурса руководящая роль в высказываниях принадлежала представителям верховной власти. Телеграмма Александра III, адресованная не сибирскому обществу, а восточно-сибирскому генерал-губернатору, кратко, внушительно и весьма неопределенно сообщала следующее:

«Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления – предметы Моих постоянных забот. Надеюсь со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями» [7, № 50, 1040]. Аналогичный текст был отправлен генерал-губернатору в Омск, что подчеркивало характер и возможные последствия юбилея, как дела сугубо центральной и подчиняющейся ей местной власти. Характерно, что дата присоединения Сибири к России, которая по понятным причинам не могла быть точно определена была привязана ко дню тезоименинства наследника престола, будущего Николая II – 6 декабря 1882 г. Таким образом, династический и общероссийский праздник становился для Сибири главенствующим, а трехсотлетний юбилей присоединения – второстепенным.

Сибирские власти поддерживали и развивали сходные идеи. Так, томский губернатор В.И. Мерцалов, в своей речи предлагал вовсе забыть все темное прошлое Сибири и начать отсчет ее будущего исторического времени с нового листа: «Много – и хорошего, и худого, пережила эта далекая страна в течении трех веков своего исторического существования; но все это было и «быльем поросло»! Нам, живущим теперь в Сибири, гораздо интереснее ближайшее будущее, чем далекое прошлое...» (обращает на себя внимание ассоциирование губернатора с местным сибирским обществом, к которому он принадлежал лишь по причине исполнения губернаторских обязанностей). Переселенческое движение, умножение промышленности и торговли, надежды на преобразования судопроизводства и системы самоуправления, наконец, открытие правительством университета и финансирование его постройки позволяли губернатору торжественно заключить, что «все хорошее на Руси всегда и во все времена исходило и исходит из одного источника – Верховной Власти. Если нужды нашей страны удовлетворяются, то этим прежде всего мы обязаны Великим Вождям России».

В этих восторженных (по служебной необходимости) словах явственно видны представления о государстве как библейском пастыре, с одной стороны, и просвещенном европейце, с другой. Все надежды связывались с деяниями правительства, которое «зорко следит за нашими нуждами и исполнено готовности удовлетворить, действительные потребности населения». Образ России для Сибири выступал в виде отца, старшего брата, обладающего сакральной силой: «Мы с доверием можем обращать взоры в недалекое будущее и благословлять момент, когда Сибирь примкнула к могучему русскому колоссу» [7, № 49, 1010-1012]. В соответствии с традициями описания официальных торжеств громкое единодушное «ура» и многократное исполнение народного гимна было ответом на речь В.И. Мерцалова. Генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, который в форме доклада на высочайшее имя представил проект преобразований сибирской системы управления, от имени

всех жителей края с надеждой заключал, что «в борьбе с суровостью природы, неизмеримыми пространствами и всякого рода лишениями, сибирское население воспитало в себе твердую волю, несокрушимую энергию в труде, и на рубеже четвертого века своей жизни является готовым воспринять те великие реформы, которые дарованы России державною волею царя-реформатора» [8, № 1, 3]. Примеры подобных высказываний можно множить – правительственная версия образа Сибири как края, который в недалеком будущем будет обласкан милостями и заботами правительства, находила поддержку в многочисленных верноподданных телеграммах с мест – от губернаторов и городских дум до сельских обществ. В действительности же министр внутренних дел Д.А. Толстой уведомил томскую городскую думу о неуместности подачи императору ходатайства о распространении на Сибирь реформ, дарованных России Александром II [8, № 7, 138].

Редактор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» Е.В. Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» в административном, политическом и гражданском смыслах [7, № 48, 984]. В формулировке и практической реализации основных направлений этого слияния – переселенческом, судебном и вопросе о ссылке, первенство отдавалось не сибирскому обществу и местной печати, а министерству юстиции, совещанию «сведующих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, т.е. тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги. Корш, оказавшийся в Сибири как уголовный ссыльный, также говорил от имени сибиряков – «внутренние силы нашей окраины», «природные богатства нашей страны», «нужды нашей страны признаны, постепенно удовлетворяются» [7, № 48, 982-984].

На страницах столичных газеты («Новое время», «Голос», «Московский телеграф») царские телеграммы патетически расценивались как «нечто небывалое в трехсотлетней истории Сибири», как «целая программа реформ». Обсуждалось даже введение временного чрезвычайного управления для Сибири в лице представителя правящей династии. Недостатки и неустройства в сибирском управлении и судопроизводстве определялись как имеющие частный характер. В сообщениях от научных обществ определяющая роль в организации колонизации, строительства оборонительных линий, исследовании природных богатств отводилась государству. При этом для определения Сибири в пространстве вводились новые топонимы – зауральские колонии, восточная окраина, Азиатская Россия. Так, в речи вице-председателя Русского географического общества П.П. Семенова подчеркивалось, что в «течении трехсотлетнего обладания Сибирью, в отношении к заселению ее и водворению в ней культуры

и гражданственности, Россия сделала все, что могла». Провидческим можно считать и высказывание Семенова, что Сибирь не может иметь самостоятельного значения, а является лишь «фукавом» соединяющим Европу с 500 млн. населением Китая [8, № 1, 11].

На страницах «Восточного обозрения» (С.-Петербург), «Сибири» (Иркутск), «Сибирской газеты» (Томск) был представлен другой вариант дальнейшего развития Сибири. Текущая ситуация описывалась преимущественно как неблагополучная – произвол и злоупотребления администрации, «поголовное невежество», «кругом господствует безгласность и обман» (при этом Сибирь как «новая неразвитая страна» могла непосредственно, минуя Россию, сравниваться с Европой и Америкой). В преодолении этой ситуации ведущее место отводилось не администрации, сделавшейся «прогрессивной» по причине лишь сохранения своих привилегий, а местной интеллигенции, которая описывалась в таких терминах как «друзья народа», «лучшие силы», «оплот против дурных инстинктов», «честные общественные элементы», «достоинные руководители» и т.д. Именно они должны способствовать перенесению на Сибирь общерусских преобразований и учреждений, прежде всего гласного суда и земского самоуправления. При этом, в виду низкой грамотности городских и сельских обывателей, население должно было наделяться правом избирать своими представителями священников, учителей, врачей, которые выскажут «думы и затаенные желания» Сибири, т.е. фактически местное самоуправление должно было оказаться под контролем сибирской интеллигенции. Силами, противостоящими «пробуждению Сибири» являлись представители нарождающейся буржуазии – «хищники, стремящиеся доесть всю Сибирь», «царство кулаков и мироедов», «наезжие спекулянты» описываемые как торжествующие гонители.

Таким образом, в поиске идеальных форм управления для Сибири на местном материале разыгрывалась уже известная в русской публицистике оппозиция интеллигенция–буржуазия. Схематичное представление об общественном благе, в сочетании с антибуржуазной риторикой, обнаруживает идеи наивного общинного социализма («У Сибири в ее народном и общинном складе есть сокровища, которая она должна хранить не менее, чем сложившиеся общества хранят свои святыни»; «Земледельческая Сибирь есть образец культуры и залог гражданской жизни») и страх перед дальнейшим капиталистическим развитием («Промышленная Сибирь носит характер древнего хищнического хозяйства, в котором господствующую роль играют прииски, мироеды, пауки, спекулянты, здесь вместо промышленных производств процветают склады и кабаки» [1, №№ 26, 37, 38, 39-40; 2, № 1]. Знакомый дискурс русской литературы, которая, как писал И.А. Бунин в «Окаянных днях», этом запоздалым раскаянием русской интеллигенции, «сто лет позорила буквально все классы, то есть «попа», «обывателя»,

мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного крестьянина, – словом вся и всех, за исключением какого-то «народа», – «безлошадного», конечно, – «молодежи» и босяков».

Общими мифологемами в двух образах будущего Сибири можно считать понятия «реформы», «образование» и «молодое сибирское поколение». В действительности все они претерпели серьезные трансформации. Сибирский университет, о котором столько было сказано в местной печати, был открыт в составе только двух факультетов (медицинского, а затем юридического) и выпускники его по-прежнему покидали Сибирь, отправляясь в Европейскую Россию или на свою родину в Туркестанский край. В условиях революции 1917 г., когда появилась реальная возможность участия сибирской интеллигенции в автономном существовании Сибири, выяснилась (как и в случае с центральной Россией) полная неспособность областнических лидеров перейти к действительному управлению, перед угрозой большевистской диктатуры они вынуждены были поддержать А.В. Колчака. Социальная мифология, которой полвека питалось сибирское образованное общество, развеялась как пыльца перед ветром перемен, так и не укоренившись на сибирской почве. Новый образ восточной окраины – «Советская Сибирь», «Сибирь социалистическая» в соответствии с произошедшими идеологическими изменениями не нуждался в прежних «разработчиках» и конструировался, в том числе, на основе дискредитации автономистских устремлений и особенности развития сибирского региона. Победа большевиков в гражданской войне привела к окончательному утверждению советских изданий в качестве нового официального правительственного проекта. Развиваясь на основаниях марксистско-ленинской идеологии советская печать в системе государственного управления воспроизводила и абсолютизировала наиболее жесткие формы коммуникации власть-общество, характерные для предшествовавшего, дореволюционного периода (монополизация печатного слова, жесткая цензура, монологичность, организационное и содержательное огосударствление прессы, ликвидация оппозиционных изданий).

Литература

1. Восточное обозрение. Спб., 1882.
2. Восточное обозрение. Спб., 1883.
3. Голубев А.В. Роль местной прессы в становлении региональной идентичности в Олонецкой губернии в середине XIX в. (по материалам «Олонецких губернских ведомостей») // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в. – Петрозаводск, 2008.

4. Гуторова Н.А. Печать Рязанской губернии (1838-1917 гг.): зарождение, развитие, типология. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб., 2009.

5. Дело об отделении Сибири от России / Публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; Сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2002.

6. Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 13.

7. Томские губернские ведомости. Томск, 1882.

8. Томские губернские ведомости. Томск, 1883.

9. Шурупова Е.Е. «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2005.

10. Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 9.